

Под colega бежала ночная заснеженная дорога. А в машине будто задержалась осень, рдеющая при свете догоняющих фар гроздьями звездик, подаренных той, чей путь «усыпан цветами»... Сама она, едва остывшая от сельских встреч, зябко куталась в шубу. И молчала. Я рядом думала вот о чем. О славе. О бремени ее. О мужестве, так необходимом для этой ноши. И об истоках его, дарованных не каждому. Они или есть, или нет. Присутствие их делает талант долговечнее. Отсутствие — распускает до срока, как оттепель — вот эту заснеженную дорогу...

Бесспорно, у каждого таланта свой век. У оперной певицы — тоже. И как же надо гореть, чтобы и через многие годы быть нужной публике, чтобы встреча с тобой и теперь была сюрпризом, чтобы из зала, где ты, и сегодня доносился шквал ликующей энергии и восторга. И были цветы. Даже в милицейской «канарейке» с мигалкой, мчащей тебя через город, живший в те дни не только безумием, но и одетой в траур скорбью...

ЛЮДИ ИСКУССТВА

И В ИНИЦЕ ЦВЕТЫ

К ГОЛОСУ разума, обращенному к нему со всех концов страны, она — Мария Биешу, присовокупила и свой. И выехала в Баку. Там давали «Чио-Чио-сан». В тот вечер притихшие толпы окружили оперный театр. Ультиматум собравшихся был один: «Откройте окна! Мы тоже хотим слушать первую в мире Чио-Чио-сан!».

Когда мне рассказывали об этом, а потом и сама она делилась впечатлениями от бакинских встреч, вспоминала откровение человека, познавшего исцеляющую силу музыки: «Коснувшись гибнущего, она вдруг возрождает в душе его не мысли, не надежды, а лишь одно пронзительное чудо жизни. В людях, многое растерявших, ослепших от злости и по сути очутившихся у края пропасти, наверное, тоже происходило возвращение к себе. Как знать... Хотелось думать так. И не думать не могла. Прощаясь с городом, попросила на мгновение остановить машину на площади Свободы, у Мемориала 26 бакинских комиссаров. На остуженный камень положила цветы. Азизбекову, Джапаридзе, Полухину, Шаумяну, земляку нашему, кишиневцу Мишне. Всем комиссарам.

Думал ли кто-то из них, что братство, рожденное на этой земле, прорастет когда-то погромами? От этих мыслей вдвойне тревожным было расставание. И чем дальше за черту города, тем глубже сам он погружался в душу ее. Город похожий на расстроенный улей. Толпы людей в хаотическом движении. Зычное «Карабах! Карабах!». И иступленно вскинутые вверх сотни лиц и сотни рук...

Пересев из милицейской «канарейки» в самолет, она покинула побережье древнего Каспия двадцать первого ноября. А вскоре, как и все мы, из газет узнала, что на следующий день среди своих соотечественников, погиб смоленский паренек Борис Гусев и его однопольчане, вставшие на пути двух разъяренных, разноязычных потоков. Чья-то рука завела и пустила на них грузовик. Чья-то рука... Неужели и по сей день не дрогнула та рука? Тянется к хлебу, обнимает любимую, ласкает ребенка, согрывается в чьем-то рукопожатии? Неужели?

В ОДИН из тревожных декабрьских дней, одевшись в траур не только отцов и матерей тех солдат, но и всю страну, потрясенную страшной трагедией в Армении, всматривались мы с Марией Лукьяновой в газетную фотосъемку счастливых мгновений из жизни погибшего Бориса, в трагические лики ленинканцев на развалинах города, где смерть сняла такую жатву! Видела, каким неистраченным материнским чувством наливалась ее боль. В по-детски широко распахнутых глазах с каждой секундой все больше и больше сгущалась готовность тут же разделить то и это горе.

— Знаете, — неожиданно прервала она паузу, не выпуская из рук газетных страниц, — у нас в селе есть родник. Всех поил. И поит. Своих, соседей и случайных путников. Не знаю, что сделали бы люди с теми, кто задумал забросать его камнями. А ведь мы в масштабах государства подобное позволяем себе. Забрасываем исток, из которого пьем все. Те же Армения и Азербайджан. Недавние. До чего дошли... О детях забыли. Родина их под свое крыло взяла. Теперь вот в Армении настоящая трагедия. Со всех сторон мечется туда груженные спецшколами и спецсамолеты, добровольные пожертвования и добровольцы... Когда видела, как предолжая одышку, старики и старушки торопились в сберкассы, чтобы вложить свои пожертвования на счет бед, детишки паковали игрушки в тот же адрес, думала, как же точ-

но в песне сказано: «Родина слышит, Родина знает...». По-лушалок на себя — и в самое пекло горя, к детям. Почему ж мы не всегда слышим голос Родины, ее мольбы?

— Я ведь и нас имею в виду. Недавно в вашей же газете читаю выступление ученого, который замечается на «Нагорный Карабах в молдавском варианте», если теперь же не будет удовлетворено требование о государственном языке. Вот ведь как! Может быть, и нужна какая-то реформа моему родному, нашему родному языку. Но разве через такие страсти? Через кровь! Люди, люди! — хочется сказать громко и повторить слова Михаила Сергеевича Горбачева: «Остановитесь!». Я ведь и вблизи Карабаха, в Армении, была. Навидалась...

— Когда? — спросила, не без удивления.

— Не сейчас. В другие дни, когда земля «ходила» под ногами не от стихии, а от человеческих страстей. Больно слышать, что и на пепелище они не гаснут, не теплятся, а взрываются еще... Приехала туда, когда первый раз танки ввели. Пела в «Аиде». — И враз оживившись, добавила: — И в Афганистан хотела поехать. Не разрешили. Напрасно. Хотя совесть моя и перед нашими «афганцами» чиста. Недавно выступала в благотворительном концерте, сбор от которого пойдет на строительство Центра реабилитации для раненых. Скорей бы. А то ведь тоже... Недавно слышу по радио. Выпался из госпитальной солдат. С параличом ног. Возвратился к матери. Та повезла его в деревню, на свидание с бабушкой. В дороге — авария. Мать погибла. И парня покалечило. Сестренка его с малышом на руках билась в двери института имени Бурденко: «Помогите!» Там ампутировали обе ноги и с незаживающими ранами выписали: «Все, мол, что можно, сделали»... Все ли? Разве это не жестокость?

К ТО-ТО из великих в связи с этим заметил: «Sapientia sat», то есть «Понимающему достаточно». И действительно, в последнее время мы так много говорим о жестокости века нашего, о нарастающей жестокости в нас, что подробностей к подробности уже даже и не изменяет само поле видения ее, а скорее только усиливает освещенность. Но моя собеседница ставит точку в разговоре не собиралась. И продолжала:

— Вся она, знаете, отчего? Нет, совсем не от бедности нашей. Надо, — все находим. И не от другой какой-то нужды. А от отсутствия культуры. Не той, что рядится в красивые слова. Выступать сегодня многие умеют. Откукарекает такой говорун, а наступит расцвет или не наступит, его совсем не волнует. Говорю не эт зависти, что сама никудышный оратор. Не была им и, наверное, не буду никогда. А из уважения к той культуре, которая живет в человеке на самой глубине и проявляется в поступках. Меня всегда называют «крестьянской дочерью» и не забывают подчеркнуть, что вышла я «из босоногого волонтировского детства». Я этим родством горжусь. И потому у меня больше, чем у других прав утверждать, что многим из нас «дипломированным», «остепененным» и «увеенчанным» ох как далеко до высот врожденной культуры наших безграмотных сельских отцов и матерей. Они всегда были связаны с людьми теми, нигде не писанными обязательствами, которые не позволяют другому делать плохо и больно. И исповедовали не национальные даже, а общечеловеческие принципы: «З тесноте, да не в обиде», «Чужого горя не бывает»... Скажите, разве не они берут верх над всем в самые тяжелые минуты? И разве не они милосердием своим сближают и роднят в час трагедии самые непохожие наро-

ды? Сегодняшняя общечеловеческая солидарность — отклик на страшную беду в Армении, она ведь из этого истока...

— Вот за такую культуру я. Ту, что умеет всем миром дело впрягаться, всем миром горе горезать и на него откликаться. А отхлынет оно — песню зазести. И какую! Никогда не слышали песен в поле или на сельских посиделках? Такая песня душу очищает...

СЛУШАЛА ее, и вспоминала неброское сообщение, промелькнувшее в газете еще по весне. О том, что она, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственных премий СССР и МССР, приехала в колонию усиленного режима. Пела перед убийцами и ворами. Много позже узнала, что первые шаги к контактам с этим зрителем были сложными. Усаженные в стройные ряды «зэки» поначалу по-своему «балдели», косясь на именитую певицу. А она и не собиралась им подыгрывать. Привезла самый сложный классический репертуар. И когда под клубные своды поднялась ее «Аве Мария», зал замер. А потом уже после встречи, теми же «рядями» они тянулись к ней Неловко мялись около, выражая одобрение, целовали руки... Уезжая, увидела то, что потрясло на всю жизнь. В скрепящих изгороди из колючей проволоки белели рядами бритые головы. Головы, головы. Сотни голоз... Многие рецидивисты плакали.

Знаю, что очень хочет выступить она в женской колонии. Знаю даже и вопрос, который непременно задаст на этом трудном свидании: «Кто из вас помнит хоть одну «Колыбельную песню»? Потому что уверена, что жестокость в человеке, да и в каждом, начинается с пренебрежения вот этими азами материнской азбуки гармонии. Что ни убийцами, ни ворами, ни жестокосердыми нормальные люди не рождаются. Такими их делает бездуховность того пространства, в которое они попадают. Охранная грамота нужна душе. Охранная грамота нужна и песне и музыке, питающей ее.

Конечно, жизнь наша далеко не картинная галерея, и совсем — не заповедник. И не так-то просто стереть с ее лица «случайные черты». Но куда бы меньше было заблуждений, угрожающего самоистребления, жестокости, жарко уверяла она меня, если бы люди вступали в нее не под какофонию звуков, обращенных напрямую к инстинктам, а под музыку, облагораживающую чувства и разум. Разве нельзя с первых шагов вводить ребенка в «страну симфонию»? Открывать Баха, Гайдна, Мусоргского, Глинку, Чайковского? Разве нельзя народную песню возратить ее истинные хоры традиции? Многоголосье. На певческом поле. Это же единит людей. Делает пожизненными творческие узы. Вырывает из духовной беспризорности. Из бесполовых сборищ...

Можно по-разному отнестись к такому утверждению. Восторженно, видя в том панацею от всех духовных извращений. Скептически, не доверяя одной боковой и чисто профессиональной ставке на Глинку и Баха... Но не будем ни заземлять, ни возносить эту «точку зрения», тем более, что выбор здесь сугубо суверенный. От себя скажу. Но «страну» даже, а крохотный «остров симфонии» подарила нам в годы войны учительница наша из обычной средней школы, выпускница Смольного Наталья Николаевна Акулова. Это тот «остров», на который и сегодня опирается дух. И еще. Ни один из сошедших с него в жизнь, очень неустроенный тогда при естественном соблазне жить в ней, негодям не стал. Спасибо учительнице нашей. Спасибо вам, Мария Лукьяновна, за добрые и нужные слова о том, что не всегда приходит к че-

ловеку, и дорого не потому, что достается не каждому, а конечно же, потому, что с обретением этим уже невозможно расстаться никогда.

Спасибо и за то, что на спецрейсах и полупутках, на черных «волгах» и милицейских «канарейках», на кораблях и военных самолетах спешите вы из своей «страны симфонии» на обитаемые, в духовном смысле, и еще не обитаемые «острова». В спокойные и очень тревожные точки нашей жизни.

Кстати, как я узнала, на те недавние гастроли в Ереван, где пели «Аиду», вы были вызваны ночным звонком примерно таким по сути: «Вас у нас любят. Очень просим приезжайте. Притяжение к вам даст хоть какой-то отток беснующейся волне...». И был Ереван. Потом — Улан-Удэ, Пермь, Свердловск, Архангельск, Минск, Вильнюс, Баку, Пловдив, Бухарест, Ленинград, Москва... Пункты «прибытия» и «убытия» можно продолжить. Однажды не без иронии вы сказали: «Мне уже давно пора присвоить звание «пассажира-испытателя», потому что воздух — главная трасса моей жизни». Да, такой вы человек. Беспокойный. И беспокоящий. Дело вашей жизни уже давно стало самой жизнью, из которого вы только изредка вырываетесь в свое никому не ведомое одиночество... И когда я опять и опять думаю о природе долговечности вашего таланта, вижу ее в одном. Из крестьянской родословной унесли вы в жизнь привычку вставать на заре. И сеять, сеять, сеять... В любую погоду. При любом настрое духа. На борозде, что у людей, влюбленных в дело, бесконечна, и которым в сиянии радуги над своей же пахотой нежиться бывает недосуг.

ТА НОЧНАЯ поездка по заснеженной дороге, с которой и начала я рассказ, была, наверное, самым коротким маршрутом Марии Биешу в этом, уже уходящем году. Мы возвращались из села Негря, что в Котовском районе, в округе, где она — депутат Верховного Совета СССР. Прямо из Москвы, с сессии, обнаружив «окошечко» в своей рабочей программе (напомню, что она — член президиума Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, член правлений Союза театральных деятелей, и Фонда культуры страны и республики, член президиума Музыкального общества СССР и председатель его в нашем крае, член жюри многих музыкальных всесоюзных и всемирных конкурсов), она заторопилась сюда. И уже никакие угрожающие прогнозы о снегопадах и гололеде не могли свернуть с дороги. А в конце ее я поняла, как же любят ее, и как ждут.

По всему и тут ощущалось, что она не может жить вполсилы, вникать в дело вполнакала. С первых шагов уже и нас убеждала, что только слепорожденный может не видеть перемены, что произошли в наших селах прямо на глазах. О том говорили и «трезогироста»; — просьбы избирателей. Нужна музыкальная школа. Нужны духовые инструменты. Нужны дополнительные средства для перемещения из оползневой зоны части села. Нужен автобус для школьников... «Нужно» — трижды подчеркивала она в депутатском блокноте. И тут же отрывалась от него, когда просьбы приводили в «тупики» насущных проблем: «Не хватает угля для сада», «плохо с продуктами в сельмаге». Это на земле-то, согретой южным солнцем. Кто сеет и взращивает эти проблемы, возмущалась она тоже не вполголоса. Люди переселяются с ползущего холма на другой совсем не для того, чтобы потом его покидать и чтобы подворье их заросло крапивой. Неужели не разбудили нас уже отгремевшие не здесь, на других пустырях, колекола? И уезжала с одним намерением: будить и разбудить.

Перед самым расставанием, после концерта, встретилась с женщинами села. Пела с ними. Как школьница, опершись на ладошку, слушала стихи, которые читала тезка ее Мария Бутнарь. О земле, на которой поднимается хлеб, о любви, которая согревает человека, о трудолюбии, которое не дает угаснуть очагам жизни на земле. Танцевала на кругу с директором местного совхоза Андреем Шептефрац. И, как только ей удастся, растворялась в этом окружении, потому что была его «кровинкой». «Народная артистка» — звание это, наверное, и рождается здесь и в большом пространстве уходит отсюда. Об этом же думала и тогда, когда индевели в руках подаренные ей гвоздики. А люди все не хотели отпускать ее от себя...

Но ее опять звала дорога. — Теперь куда? — спросила, расставаясь.

— Приму участие в спектакле милосердия в память о погибших на земле Армении, дам концерт в фонд многодетных матерей республики, выступлю в двух авторских концертах наших композиторов, съезжу в Москву по приглашению Натальи Сац на спектакль в ее театре. Потом — в Ереван. — Петь!..

— Нет, разделить горе друзей. И вместе с ними, помолчать...

Р. КАЗАКОВА.